

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ АНТОЩЕНКО

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ant@petsu.ru

РОЛЬ Г. П. ФЕДОТОВА В ПРЕОБРАЗОВАНИИ СВЯТО-ВЛАДИМИРСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ В АКАДЕМИЮ*

Рассматривается важный эпизод в деятельности известного историка-эмигранта Г. П. Федотова в американский период его жизни (1941–1951 годы). Основу исследования составили документы, хранящиеся в архиве Православной церкви в Америке (Сайосет). Предложенный историком проект преобразования Свято-Владимирской духовной семинарии в академию был утвержден на VII Всеамериканском православном соборе в Кливленде (штат Огайо) и успешно осуществлен. Особая роль Г. П. Федотова в этом процессе определялась следующими обстоятельствами. Во-первых, его знание истории и современного положения Православной церкви в США дало ему возможность убедительно обосновать необходимость создания там высшей богословской школы. Во-вторых, его опыт преподавания в Свято-Сергиевском православном институте в Париже позволил ему оценить способности своих бывших коллег и пригласить ряд из них в Америку. Наконец, в-третьих, его авторитет, приобретенный в результате участия в экуменическом движении, обеспечил поддержку проекта американскими «друзьями православия».

Ключевые слова: Православная церковь в Америке, Свято-Владимирская духовная семинария, Г. П. Федотов

Свято-Владимирская православная духовная семинария являлась преемницей семинарии, созданной в Северной Америке в 1905 году. Возникшая благодаря усилиям архиепископа Тихона (впоследствии патриарха Московского), она располагалась первоначально в Миннеаполисе (до 1912 года), а затем переехала в Тенафлай (штат Нью-Джерси), где просуществовала еще десять лет (до 1923 года), готовя священников для американских православных приходов. Причиной прекращения ее учебной деятельности стали революция и Гражданская война в России, приведшие к отсутствию финансирования и фактическому отрыву Северо-Американской митрополии от Русской православной церкви (РПЦ), подвергшейся гонениям в Стране Советов.

3 октября 1938 года она была вновь открыта в Нью-Йорке в соответствии с решениями прошедшего год назад здесь же VI Всеамериканского собора. Поскольку это был юбилейный год Крещения Руси князем Владимиром, учебное заведение было названо в его честь Свято-Владимирской семинарией. Последующие десятилетия было трудным периодом существования семинарии, особенно в годы Второй мировой войны. Однако завершилось оно важным для семинарии событием – утверждением советом управляющих департамента образования штата Нью-Йорк ее временного устава, которым закреплялось ее преобразование в духовную академию, то есть в высшее учебное заведение. В данной статье речь пойдет о той роли, которую сыграл в этом преобразовании Георгий Петрович Федотов (1886–1951).

Творческое наследие известного историка, религиозного мыслителя и публициста за последние десятилетия вернулось на родину, наиболее значимым свидетельством чего является завершение публикации Собрания сочинений Г. П. Федотова [1]. Однако его полная биография еще до сих пор не написана. Особенно слабо изученным является так называемый американский период его жизни, что во многом определяется недоступностью источников для отечественных историков. В юбилейных изданиях о Свято-Владимирской семинарии (академии) имя Г. П. Федотова неизменно упоминается среди тех, кто содействовал ее преобразованию в середине прошлого столетия [2: 7], [3: IV], [4: 13]. Но характер таких изданий не позволяет детально представить его заслуги в этом процессе. На устранение данного недостатка направлено наше исследование, основанное на документах, хранящихся в архивах и библиотеках США.

Г. П. Федотов после переезда из Франции в США в 1941 году первые три года провел в Нью-Хейвене, где при поддержке Гуманитарного фонда, созданного Б. А. Бахметьевым, занимался подготовкой книги о религиозности русского народа¹. Летом 1943 года он вновь оказался лицом к лицу с проблемой поиска места работы. Среди возможных вариантов рассматривалась и Свято-Владимирская семинария. В меморандуме от 26 июня 1943 года, подготовленном не без участия его нового друга П. П. Зубова, человека широко известного в православных кругах русских эмигрантов, указывалось на желательность для семинарии включения профессора Г. П. Федотова в ее штат².

Однако в 1943 году, судя по документам, такой возможности не представилось. Только со следующего, 1944/45, академического года Г. П. Федотов начал преподавание в Свято-Владимирской семинарии и в Общей богословской семинарии в Челси (г. Нью-Йорк), в здании которой арендовалось несколько комнат для занятий и проживания будущих православных священников³. Осенью этого же года руководством православной семинарии ему было предложено вести занятия по истории Западной церкви за довольно скромное вознаграждение в 107 долларов в год. К ним вскоре добавились часы по церковнославянскому языку⁴, переданные, правда, в начале 1945 года иеромонаху о. Ионе Штальбергу.

Деятельность Г. П. Федотова в Свято-Владимирской семинарии не ограничивалась только преподаванием. Ему пришлось включиться в решение насущных вопросов совершенствования учебного процесса. 20 октября 1944 года под председательством декана Свято-Владимирской семинарии епископа Макария состоялось совместное совещание представителей семинарии и колледжа Колумбийского университета, в котором одновременно с учебной в семинарии обучались почти все семинаристы, чтобы получить юридически признаваемую степень бакалавра. В совещании участвовали «уполномоченные от семинарии Владыкой Митрополитом» Г. П. Федотов, П. П. Зубов, Е. А. Москов и представитель Студенческого фонда А. Р. Вирен, а также декан колледжа Колумбийского университета профессор Г. Дж. Карман и профессор К. А. Манинг. Главной целью совещания было наметить пути решения вопроса о согласовании программы семинарии с курсами колледжа. На совещании отмечалась необходимость «по примеру прочих иноверных теологических школ равного положения добиваться признания за семинарией звания и прав высшего учебного заведения наравне с университетом и с прочими теологическими учебными заведениями, включая права выдачи дипломов и степени окончившим курс, а также присуждения высших научных степеней»⁵. При этом представители университетского колледжа выразили уверенность в том, что руководство Колумбийского университета окажет необходимую поддержку в этом вопросе.

5 декабря 1944 года Г. П. Федотов выступил с речью о миссионерской деятельности РПЦ в Северной Америке на торжественном собрании в семинарии, посвященном 150-летию юбилею начала этой деятельности⁶. Знакомство с историей РПЦ в Америке позволило ученому более четко, с учетом исторической перспективы, представлять ее современное положение в США.

Через два дня Г. П. Федотов был извещен, что является членом комиссии, на которую возлагается обязанность «обсудить и рассмотреть подробно содержание указанных собором епископов предметов в первом академическом курсе и пригласить для преподавания их право-

мочных преподавателей»⁷. Речь шла о решении малого архиерейского собора об объединении в целях экономии сил и средств пастырской школы в Тихоновском монастыре в Саут-Кейнэне и Свято-Владимирской семинарии в Нью-Йорке, в результате которого предполагалось также повысить уровень подготовки семинаристов путем создания академического курса.

Заседание академической комиссии, возглавляемой архиепископом Виталием, состоялось 15 марта 1945 года. В ходе всестороннего обсуждения вопроса выяснились главные препятствия на пути к открытию академического курса в Свято-Владимирской семинарии. Прежде всего – недостаток кандидатов, желавших продолжить обучение. Однако, несмотря на это, члены комиссии определили круг предметов, которые должны преподаваться на академическом курсе, а также составили список «возможных кандидатов-преподавателей для ведения указанных учебных предметов» и наметили их предварительное распределение. Главная ставка при этом делалась на наличные преподавательские силы семинарии с учетом возможности привлечения к обучению иерархов Американской митрополии. Комиссия утвердила также примерные сроки занятий, которые должны были длиться семь месяцев «за вычетом времени для Рождественских и Пасхальных вакаций». Наконец, члены комиссии сочли возможным принимать на академический курс «вольнотрудателей», то есть тех, кто не оканчивал курса Свято-Владимирской семинарии или Свято-Тихоновской пастырской школы. При этом подчеркивалась важность данного шага в финансовом отношении, так как предполагалось, что такие слушатели будут оплачивать обучение и проживание в общежитии за свой счет, а это означало получение около 1000 долларов от каждого «вольного» учащегося за слушание лекций⁸.

Обсуждение вопроса на заседаниях педагогического совета Свято-Владимирской семинарии 15 июня 1945 года выявило еще одно препятствие к открытию академического курса – отсутствие официально утвержденного юридического статуса учебного заведения⁹. Попытки выяснить возможности официального утверждения устава и статуса семинарии не дали определенного ответа: ссылки на необходимость для этого иметь капитал в 50 000 долларов были необоснованными, как свидетельствовал опыт Свято-Тихоновской пастырской школы, которая получила регистрацию без данной суммы. В результате было решено обратиться к митрополиту Феофилу с просьбой «предложить надлежащим органам управления» выяснить вопрос о возможностях и условиях регистрации семинарии, осуществить ее и разработку устава. В качестве примера, по совету коллег из Колумбийского университета, преподаватели Свято-Владимирской семинарии считали возможным использовать опыт регистрации «пастырской школы» в Пенсильвании с учетом того, что там иные,

чем в Нью-Йорке, законы. Педагогическим советом была избрана специальная комиссия «для получения указанных сведений, для выяснения порядка утверждения устава и для дальнейшего о том и другом ходатайства» в составе декана архимандрита о. Дионисия и инспектора семинарии о. Ионы, а также Е. А. Добрянского.

К неопределенности юридического положения учебного заведения следует добавить и некоторые финансовые трудности. Финансовый отчет за период с 1 августа 1944 года по 31 августа 1945 года показал, что бюджет семинарии не покрывается 1032 долларами, что составляло около 10 % его общей суммы. И если из этой недостающей суммы 300 долларов составляли долг семинаристов «за обучение и стол», а около 417 долларов находились в виде наличных денег в кассе, то 315 долларов были «дефицитом», который необходимо было изыскать в ближайшее время¹⁰. Введение академического курса означало увеличение числа учащихся и, соответственно, расходов на их обучение и проживание.

Несмотря на трудности, педагогический совет семинарии 25 сентября 1945 года утвердил расписание занятий в 5-м, выпускном, классе только на первый семестр, так как со второго семестра все же предполагалось начать обучение на академическом курсе, на который переводился «в полном составе» ее выпускной класс. Г. П. Федотову было предложено преподавание нравственного богословия в этом классе, и он согласился на это¹¹.

Через неделю после педсовета прошло очередное заседание комиссии под председательством архиепископа Виталия по открытию первого академического курса в Нью-Йорке, которое продемонстрировало решимость осуществить задуманное. По предложению митрополита Феофила предполагалось сформировать академический курс из успешных семинаристов 5-го класса, окончивших колледж Колумбийского университета и способных внести необходимые суммы за слушание лекций. Правда, после собеседования с возможными кандидатами в абитуриенты академического курса выяснилось, что многие из них вынуждены совмещать учебу с работой, чтобы платить за занятия в семинарии, или же зачислены на бесплатные курсы в Епископальной семинарии. Желавших оказалось только двое, да и те указали на возможность изучения лишь ряда предметов по выбору и если это «не будет сопряжено с дополнительными расходами»¹².

Сложившуюся ситуацию не могли изменить ни торжественное собрание в ознаменование 40-летия русской православной духовной семинарии в Америке, состоявшееся 6 декабря 1945 года в зале при кафедральном соборе, где с докладом об истории семинарии выступил Г. П. Федотов, ни официальное решение совместного заседания педсовета семинарии и академической комиссии 16 января 1946 года открыть во втором полугодии 1945/46 академического года академический

курс на основе программы пятого класса «с дополнением ее богословскими предметами и церковным пением»¹³. Уже на следующем заседании педагогического совета семинарии указывалось на то, что отсутствие устава порождает ряд сложностей, во-первых, с решением вопроса об освобождении семинаристов от призыва на воинскую службу и, во-вторых, невозможностью выдавать дипломы бакалавра или кандидата¹⁴.

В этих условиях митрополит Феофил по предложению П. П. Зубова поручил Г. П. Федотову подготовить записку о возможности открытия православной духовной академии в США как высшего учебного заведения¹⁵. Обосновывая необходимость такого шага, Георгий Петрович исходил из общей исторической оценки положения Северо-Американской митрополии. В отличие от ставшего основой распространения православия в Европе «временного беженства», «которое через несколько лет рассеется», в Америке православие опирается на миллион «американских православных граждан, которые нашли в Америке свою новую родину», – подчеркивал он. Характеризуя современное положение как «переходное», Г. П. Федотов отмечал изменения, происходившие в среде русских эмигрантов в США. Новое поколение, приходящее на смену поколению русских эмигрантов, сформировавшемуся из крестьян-карпатороссов и «по своему культурному уровню» не нуждавшемуся в «образованных священниках», отличается более высоким уровнем образования, полученного в американских средних школах и колледжах. «Сейчас они составляют самое активное ядро наших прихожан, охотнее других жертвуют на церковные нужды и создают прицерковные организации, – констатировал автор записки. – Живя в протестантском мире, они чувствуют потребность в разумной защите своей веры. Они хотят знать православие. Пасторы протестантских сект, как и католические священники, почти всегда люди с высшим образованием. В духовной борьбе за веру отсутствие высокообразованного духовенства является серьезным препятствием для будущего Русской Церкви в Америке»¹⁶. Этим определялась необходимость создания духовной академии «в старом русском смысле слова», так как Богословский институт в Париже не может решать задачи подготовки пастырей для Америки: «у него своя европейская область – с эмигрантской паствой и несколько иные задачи»¹⁷.

Главным из трех условий создания высшей богословской школы – «профессора, студенты и материальные условия» – Г. П. Федотов считал наличие «лиц, самостоятельно работающих в своей научной области». Указывая на опыт Богословского института в Париже, он предлагал собрать тех ученых и богословов, кто в настоящее время остался без работы в Европе. Предложенный им «неполный список» включал профессора Н. С. Арсеньева, специалиста по истории мистики, читавшего в Варшавском университете

курс догматического богословия; профессора М. В. Зызыкина, историка церкви, бывшего профессора Варшавского университета, автора диссертации о патриархе Никоне; С. В. Троицкого, канониста, профессора Белградского университета, о местопребывании которого в то время не было сведений; И. А. Стратонова, историка и канониста в Париже; Н. О. Лосского, известного философа в Париже, и его сына В. Н. Лосского, прекрасно знающего патристику; С. Л. Франка, философа и социолога в Лондоне; Е. В. Спекторского, философа, социолога и юриста в Италии; Б. П. Вышеславцева, философа в Швейцарии. Наконец, Г. П. Федотов указал и на о. Павла Лютова, знатока Ветхого завета и семитических языков в Вашингтоне. Из представителей более молодого поколения Г. П. Федотов назвал также Евгения Ламперта, талантливый догматиста, ученика о. Сергия Булгакова; Н. М. Зернова, историка церкви и автора многочисленных работ о русской церкви и православии; Игоря Смолича, историка, «выпустившего в Германии ряд солидных исследований по истории монашества, старчества, славянофильства», о судьбе которого в тот момент он ничего не знал. К ним Г. П. Федотов добавлял выпускников Парижского богословского института, которые в то время замещали своих старших коллег, вынужденных покинуть Францию. Возвращение последних привело бы, по мнению Г. П. Федотова, к тому, что более молодые преподаватели вынуждены были бы искать работу. Ряд профессоров Богословского института в Париже – о. Георгия Флоровского, о. Касиана Безобразова, Б. И. Сове и Н. Н. Афанасьева, которых Георгий Петрович не включил в список, он считал возможным использовать в качестве «приглашенных профессоров» (visiting professors).

Очерчивая общий контур преподавания в высшем богословском учебном заведении, Г. П. Федотов считал достаточным «для первоначального состава Академии» пяти профессоров. «Философ мог бы читать нравственное богословие и основное (апологетику), историк – каноническое право, – писал он. – Трудно заместить кафедру Нового завета, патристики и литургики. Временно кафедра Нового завета могла бы быть соединена с Ветхим, патристика с догматическим богословием или историей церкви. Литургика могла бы преподаваться практически»¹⁸.

Определяя собственные предпочтения в предложенном списке, Г. П. Федотов называл в качестве кандидатов на профессорские должности имена Н. С. Арсеньева, Н. О. Лосского, М. В. Зызыкина и П. Т. Лютова. Вместе с тем он замечал, что в Америку прибыл о. Иоанн Шаховской, «человек без научной специальности, но чрезвычайно одаренный проповедник, который мог бы с успехом преподавать ряд “пастырских” предметов (гомилетику, литургику, аскетику, пастырское богословие)»¹⁹.

Указывая на то, что ряд кандидатов находились в юрисдикции Московского патриарха, Г. П. Федотов считал, что духовная академия должна, несомненно, подчиняться митрополиту Феофилу и Собору русских епископов в Америке, «но в вопросе личной юрисдикции учащих и учащихся должна быть проявлена условная терпимость»²⁰.

Наконец, признавая необходимость выработки программы обучения, опираясь на опыт дореволюционных духовных академий в России, он считал важным учитывать вызванные временем изменения и особенные американские условия. В этой связи необходимо было включение в программу, по примеру Богословского института в Париже, предметов среднего, семинарского образования. Но главное – необходимыми были две существенные перемены: пересмотреть отношения с Колумбийским университетом, чтобы учащиеся академии не тратили основную часть времени на учебу в университетском колледже, и ввести систему двуязычного преподавания. Последнее, по мысли Г. П. Федотова, «дало бы возможность открыть некоторые курсы, читающиеся на английском языке, для православных других наций, а также и для инославных друзей»²¹.

15 февраля 1946 года П. П. Зубов препроводил митрополиту Феофилу записку Г. П. Федотова со своими соображениями по финансовому вопросу, заручившись относительно последнего поддержкой Б. А. Бахметьева и А. Р. Вирена²².

19 февраля митрополит рассмотрел предложения Г. П. Федотова и П. П. Зубова и вынес резолюцию: «Иметь о сем суждение в педагогическом совете Свято-Владимирской духовной семинарии»²³, а значительно позже, 11 апреля, на записке П. П. Зубова по финансовому вопросу митрополит Феофил написал благодарность Г. П. Федотову и особую признательность П. П. Зубову. Правда, потребовалось еще двадцать дней, чтобы митрополичий совет переслал им эту благодарность за записки и сообщил, что они будут рассмотрены в митрополичьем и педагогическом советах семинарии.

Положительное отношение к рассмотренным запискам иерархов и коллег позволило П. П. Зубову вновь обратиться к митрополиту с предложением создать две комиссии – для переговоров с Колумбийским университетом и финансовую. 19 июня 1946 года митрополит передал записку П. П. Зубова на рассмотрение академической комиссии во главе с архиепископом Виталием, заседание которой состоялось 29 июля. На нем были утверждены комиссия для переговоров с Колумбийским университетом в составе председателя студенческого фонда А. Р. Вирена, Г. П. Федотова и П. П. Зубова с правом кооптации в случае необходимости «других русских профессоров в американских университетах» и финансовая комиссия под председательством доктора Колтона в составе доктора Доггана, А. Р. Вирена и П. М. Фекулы (в качестве исполнительного секретаря), а также казначей Свято-

Владимирской духовной семинарии протоиерея И. Пиштя с правом кооптации американцев из тех учреждений, которые отзовутся на призыв финансово поддержать академию.

Вторым пунктом постановления академической комиссии было решение «в возможно скорейший срок выписать из Европы трех профессоров: проф. догматического богословия Варшавского университета и Кенигсбергского – Арсеньева, проф. богослова и философа Варшавского университета Зызыкина и бывшего ректора Киевского университета – Спекторского (канониста)»²⁴.

Для осуществления программы академического курса, отмечалось также в постановлении, иметь в виду проживающих в Америке профессоров Г. П. Федотова и о. Павла Лютова, архимандритов Дионисия и Иоанна (Шаховского), иеромонаха Иону, доктора Е. А. Москва, Е. А. Добрянского и Л. П. Троицкого²⁵.

Резолюция митрополита Феофила, написанная 18 августа на постановлении академической комиссии, гласила: «Исполнить возможно без промедления».

Новый импульс решение вопроса о создании академии получило благодаря переписке между митрополитом Феофилом и архиепископом Леонтием. В письме от 3 октября 1946 года архиепископ Леонтий предлагал митрополиту, во-первых, провести заседание комиссии из заинтересованных лиц для выработки программы преподавания уже на следующий учебный год во время VII Всеамериканского православного собора, который должен был состояться в конце ноября 1946 года в Кливленде. При этом, считал он, нужно подчеркнуть, что создаваемая академия будет работать для нужд «именно Американской Православной Церкви», что важно и в моральном плане, и для сбора финансовых средств. «Если же начало занятий Комиссии будет открытым, в сопresутствии всех наших Пресвященных Владык, во главе с Вами, Владыко Святой, это будет акт соборно-священного характера и исторической важности и силы...». Во-вторых, нужно было представить схему перехода от семинарии к академии, которая, как считал Леонтий, должна была быть «переделкой» уже имевшейся программы. В качестве докладчика об этой схеме он предлагал Е. А. Добрянского или Е. А. Москва. Но докладчик на соборе, по мнению архиепископа, обязательно должен быть, так как одобрение схемы на соборе придаст ей характер дела, в котором заинтересована «ВСЯ Американская Православная Русь “ин корпоре”». В-третьих, на соборе должен «прозвучать четко» доклад о финансовой стороне вопроса, с которым лучше всего мог бы выступить П. П. Зубов, «стоящий в курсе сей операции». Он «постоит на Соборе в сем случае за себя и за академию...»²⁶.

Предложение было учтено при подготовке к Собору, на который приглашались с докладом о создании духовной академии Г. П. Федотов

и с докладом о финансовом обеспечении ее деятельности П. П. Зубов. Их доклады были заслушаны на третьем заседании 28 ноября. В своем докладе Г. П. Федотов представил ранее сформулированные им в записке аргументы в пользу создания академии с привлечением профессоров из Европы. Докладчик уточнил необходимые изменения во взаимоотношениях с Колумбийским университетом: «Ввиду повышенного преподавания в академии сравнительно с семинарской программой ведутся переговоры с Колумбийским университетом о зачете для наших студентов их богословских курсов и, тем самым, о сокращении срока пребывания в колледже с 4-х лет до 3-х (или даже 2-х). Таким образом, общий срок обучения будет составлять 6 или 5 лет». Повторив мысль о необходимости двуязычного преподавания в академии, он отметил, что следует сохранить пастырскую школу для подготовки «низших священно- и церковно-служителей», переведя ее в Нью-Йорк и соединив ее «в той или иной форме с академией и ее преподавателями»²⁷. Выступивший вслед за Г. П. Федотовым П. П. Зубов обосновал возможности финансового обеспечения высшего богословского образования. Оценив общую сумму ассигнований на академию в 27 000 долларов в год, он в качестве главных источников пополнения бюджета назвал плату за учебу и содержание самих учащихся, пожертвования от ряда эмигрантских благотворительных фондов (православного и студенческого фондов, федерации клубов молодежи, фондов Б. А. Бахметьева, М. О. Зворыкина и других), а также поступления от англоязычных богословских курсов. Недостающую сумму в 6000 долларов предполагалось «достать от иностранных научных организаций, производящих исследования по разным ветвям русской культуры и не имеющих, до приезда наших профессоров, группы ученых, способных снабдить их сведениями об истории развития русской религиозно-философской мысли»²⁸.

Собор одобрил доклады, признал необходимым «иметь ректором означенной академии, ответственным за ее управление и православный характер преподавания и за состав профессоров, митрополита всея Америки и Канады», поручил собору епископов утвердить устав и программу, выразил согласие с необходимостью сохранить пастырскую школу в связи с академией, поблагодарил их преподавателей за самоотверженный труд и призвал приходы организовать сбор на богословское образование²⁹.

Однако вплоть до весны 1947 года никаких официальных собраний или решений по данному вопросу не было. Только 3 марта под председательством епископа Леонтия состоялась «неформальная встреча» руководителей православных молодежных организаций, представителей благотворительных фондов и преподавателей семинарии, на которой были обсуждены проблемы богословского образования и вновь подчеркнута

необходимость безотлагательно приступить к реорганизации семинарии в академию. «Наиболее логичным» на собрании было признано считать епископа Леонтия «лицом, призванным принять активное участие в управлении обеими школами»³⁰. Однако это не изменило существенным образом положение дела.

Неудивительно, что в письме Г. В. Флоровскому от 3 сентября 1947 года Г. П. Федотов писал: «Но главный вопрос, о нашей академии, все еще висит в воздухе. Весной я считал его уже похороненным, гл[авным] обр[азом] из-за равнодушия иерархии. Но сейчас П. П. Зубов опять развивает успешную деятельность, добился обещаний от американских кругов и уверен, что с октября можно будет начать половинчатое существование – со Спекторским, Лосским и частью старого состава семинарии. В связи с этим Зубов просил меня запросить Вас, согласны ли Вы будете приехать как *visiting professor*³¹ на год, если план осуществится»³².

Новый учебный год семинария начала, как обычно, в октябре, когда в Америку уже приехали профессор Н. О. Лосский и Е. В. Спекторский и ожидалось скорое прибытие профессора Н. С. Арсеньева, а во втором семестре – протоиерея о. Г. Флоровского. Предложенные ими предметы – философия, каноническое право, догматическое богословие, патристика – были включены в расписание занятий семинарии, а курс Н. О. Лосского «Достоевский и его мировоззрение» на английском языке предлагался также интересующимся русской культурой учащимся Юнионистской богословской семинарии³³. Помимо этого профессора Свято-Владимирской семинарии предлагали курсы, которые могли быть зачтены студентам университета, – история церкви (общей, западной, русской, американской), литература Ветхого и Нового заветов, христианская этика и другие, часть которых была одобрена совместным комитетом по религии Колумбийского университета³⁴. Местом проведения занятий семинаристов с этого года стала арендованная квартира № 31 по адресу: 537 Вест 121-я улица и ряд аудиторий Юнионистской богословской семинарии Колумбийского университета, расположенной напротив.

15 октября 1947 года по инициативе П. П. Зубова состоялось собрание «американских друзей» создаваемой православной академии, на котором был создан комитет советников³⁵. Почетным председателем комитета стал лауреат Нобелевской премии мира за 1946 год Дж. Р. Мотт, председателем – президент Юнионистской богословской семинарии Г. Ван Дюсен, а исполнительным секретарем – американский христианский миссионер Г. С. Лейпер. В целях сбора недостающих для преобразования семинарии в академию средств было решено использовать несколько способов «финансового сотрудничества»: 1) контакты известных лиц «с ключевыми фигурами различных вероисповеданий», напри-

мер Э. Веста и епископа Жильбера, которые являлись членами комитета, или посредничество Епископальной церкви в целом; 2) составление подписных листов с соответствующей информацией для распространения в США; 3) обращение к Сербской и Болгарской церквам и, возможно, 4) преподавание профессоров академии в других богословских учебных заведениях. При этом подчеркивалось, что жалование профессорам от академии должно составлять не менее 2000 долларов в год.

6 ноября 1947 года новый декан семинарии о. Иоанн Шаховской направил рапорт архиерейскому собору в Америке³⁶, в котором он сообщал об успехах в деле преобразования семинарии в академию и указывал на насущные меры, необходимые для завершения этого процесса. «Настоящий академический год является переходным и сейчас настоятельно ощущается потребность в скорейшей легализации успешно начатого дела, – писал он. – Необходимо официальное открытие академии указом высокопреосвященного митрополита Феофила и собора епископов, а также назначение комиссии из декана, профессоров и юрисконсульта нашей Церкви для выработки устава и порядка регистрации академии как высшего учебного заведения по законам штата Нью-Йорк». Несмотря на то что Г. П. Федотов весьма скептически относился к возможным решениям архиепископского собора³⁷, именно ему вместе с Е. В. Спекторским пришлось начать подготовку устава академии³⁸ после того, как собор одобрил преобразование.

Подготовленный Г. П. Федотовым вместе с Е. В. Спекторским проект устава был переведен на английский язык Георгием Петровичем весной 1948 года³⁹, а в первой половине мая перевод исправил юрисконсульт Р. М. Аркуш⁴⁰. Состоявшийся 2–3 июня 1948 года в Свято-Тихоновском монастыре малый архиерейский собор с участием митрополита Феофила, архиепископа Чикагского и Миннеаполисского Леонтия, епископа Филадельфийского и Пенсильванского Никона, епископа Бруклинского Иоанна постановил «считать православную духовную академию в Северной Америке открытой с 1 июня 1948 г. в г. Нью-Йорке», а также предоставил этому высшему учебному заведению право именоваться в честь святого князя Владимира и утвердил состав его профессоров и лекторов. Однако проект устава академии вызвал «некоторые недоумения относительно взаимоотношений между советом директоров и попечительным и педагогическим советами» и требование зафиксировать в нем принадлежность данного учебного заведения к Русской православной церкви в Северной Америке и «праве ее через собор архиереев, в лице митрополита, руководить всей постановкой учебно-воспитательного дела в академии и принимать непосредственное участие во всех сторонах ее жизни». Указывалось в решении собора и на необходимость ряда частных поправок, а именно:

установить подписку для профессоров с обязательством прослужить в академии не менее трех лет с уведомлением об уходе не менее чем за шесть месяцев; определить сроки пребывания и порядок обновления совета директоров и попечительного совета; принимать в академию лиц мужского пола православного исповедания, имеющих свидетельство об окончании «хай скул» (high school) или соответствующем богословском образовании, в возрасте не старше 35 лет и с рекомендацией настоятеля своего прихода; допускать в вольнослушатели лиц христианского вероисповедания по решению педагогического совета; наконец, считать праздником академии день святого апостола Иоанна Богослова, то есть 26 сентября (9 октября)⁴¹.

Требуемые изменения были внесены, и 18 июня 1948 года Совет управляющих от имени Департамента образования штата Нью-Йорк утвердил временный устав академии. «Уставом академия признается институтом высшего образования для богословской подготовки кандидатов в духовенство в Русской Православной Греко-Католической Церкви Северной Америки или любой другой ветви православного вероисповедания», – информировала своих читателей «Нью-Йорк Таймс»⁴².

Торжественный акт открытия академии состоялся 22 октября 1948 года в Свято-Покровском кафедральном соборе. Перед началом собрания был отслужен торжественный молебен с участием митрополита Феофила, епископов Андрея Болгарского, Никона Филадельфийского и Пенсильванского и Иоанна Бруклинского. Среди речей профессоров, произнесенных после выступления митрополита Феофила «о значении богословского образования, рассадником которого должна явиться Духовная Академия не только для русских, но и для иностранцев», было и выступление Г. П. Федотова об истории преобразования семинарии в академию «с указанием ее организации и программы»⁴³. 4 ноября 1948 года в связи с открытием Свято-Владимирской духовной академии торжественный акт прошел в Джемс Меморал Чапел Юнионистской семинарии Колумбийского университета, явившийся «публичным оповещением для американской профессуры и студенческой среды о начале занятий в Академии»⁴⁴.

12 ноября 1948 года П. П. Зубов и Г. П. Федотов подали митрополиту Феофилу рапорт о результатах преобразования Свято-Владимирской семинарии в академию. В рапорте авторы охарактеризовали процесс утверждения устава академии, ее преподавательский состав и взаимоотношения с Колумбийским университетом, не забыв отметить вклад многочисленных протагонистов преобразования семинарии в высшее учебное заведение⁴⁵. На рапорте митрополит Феофил написал: «Профессора Г. П. Федотова и Члена Правления Свято-Владимирской Духовной Семинарии-Академии П. П. Зубова глубоко благодарю за этот обзор. Вместе с сим считаю

необходимым приятным долгом своим выразить благодарность всем поименованным в этом рапорте лицам за содействие и участие в открытии в Америке Православной Духовной Академии во Славу Божию и на благо Святой Православной Церкви Христовой»⁴⁶.

Упомянулось в рапорте и то, что план обучения на 1948/49 академический год был представлен в напечатанном «Бюллетене Свято-Владимирской православной духовной семинарии и академии». В нем Г. П. Федотов значился как член правления, представляющий преподавателей и профессоров, а в его учебные обязанности входило чтение лекций на русском языке по истории Древней христианской церкви (3 часа в неделю для учащихся 4-го курса), по истории Западной церкви и по истории Русской православной церкви в Америке (по 2 часа в неделю по каждой дисциплине для учащихся 5-го курса), а также курс по выбору на английском языке «Russian Religious Mind» (Русская религиозность, 2 часа в неделю)⁴⁷. В следующем академическом году его нагрузка по тем же дисциплинам на 4-м и 5-м курсах немного сократилась, составив по одному лекционному часу, а курс по выбору сохранился в прежнем объеме⁴⁸. Еще через год часовой курс по ранней истории христианства читался на 2-м году обучения, а остальные курсы вновь стали двухчасовыми и были перенесены на 4-й год учебы⁴⁹.

Помимо преподавательской работы Г. П. Федотов занимался разработкой проектов распределения предметов между преподавателями Свято-Владимирской академии и выяснением возможности приема ее учащихся в Нью-Йоркский университет или Сити-колледж на условиях, сходных с теми, что предлагались колледжем Колумбийского университета⁵⁰. Постоянные контакты с коллегами из американских университетов привели к установлению тесных отношений с Вашингтон Сквер колледжем Нью-Йоркского университета, а 25 апреля 1950 года помощник директора Школы общего образования Колумбийского университета Ч. П. Хард сообщил, что по примеру университетского колледжа школа будет засчитывать выпускникам академии 34 балла при рассмотрении их кандидатур на выпускные звания и научные степени⁵¹.

Наконец, следует упомянуть еще одно важное событие, которое ознаменовало существенную финансовую помощь процессу становления академии. 18 марта 1949 года Фонд Рокфеллера предоставил субсидию в 5000 долларов до 31 декабря 1949 года на развитие преподавания и исследований в академии⁵². И хотя Г. П. Федотов лично не принимал участия в подготовке заявки в фонд, думается, что его публикации на английском языке в престижных американских издательствах, упоминавшиеся в ней и в отчетах о реализации проекта⁵³, были весомым аргументом в пользу принятия решения не только в 1949 году, но и в следующем году. 24 февраля

1950 года Фонд Рокфеллера выделил еще 13 500 долларов на поддержку исследовательской работы и подготовку работ профессорами Свято-Владимирской академии⁵⁴.

Такая весомая поддержка существенно дополняла материальные средства, поступавшие для обеспечения деятельности академии от эмигрантских и американских благотворительных организаций, и способствовала увеличению бюджета академии за период с 1948 по 1951 год с 27 000 до 58 000 долларов. Число учащихся

в академии за это время возросло с 12 до 46. Среди студентов были кандидаты из Сербской, Армянской, Сирийской, Индийско-малабарской и Карпато-русской церквей, а в 1948/49 академическом году в нее были зачислены последователи римско-католического, протестантского и православно-кафолического вероисповеданий⁵⁵.

Лично для Георгия Петровича Федотова поддержка Фонда Рокфеллера означала возможность продолжить его работу по изучению русской религиозности.

* Статья подготовлена в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ «Теперь я спокоен за свое будущее, могу думать только о своей работе над книгой...» (Письма Г. П. Федотова к Б. А. Бахметьеву и сопутствующие материалы) / Публ., вст. ст. и комм. А. В. Антощенко // Мир историка: Историографический сборник. Вып. 9. Омск, 2014. С. 402–440.
- ² Memorandum in regard to Professor Fedotov // Archives of Orthodox Church in America (АОСА). Zouboff's file. St. Vladimir's seminary (2 of 3). R–2. 5–6. В. 52. F. 2.
- ³ Журнал заседания педагогического совета Свято-Владимирской духовной семинарии 16 мая 1944 г.; Журнал заседания педагогического совета Свято-Владимирской духовной семинарии 19 июня 1944 г. // АОСА. XI. Records Relating to Church Institutions. 1938–present. U Box 1&2: St. Vladimir's Orthodox Theological Seminary. 1944–1956. Folder: St. Vladimir's Orthodox Theological Seminary. 1944–1946.
- ⁴ Журнал заседания педагогического совета Свято-Владимирской духовной семинарии 14 декабря 1944 г. Расписание уроков в Свято-Владимирской духовной семинарии на 1944–45 учебный год // Ibid.
- ⁵ Соповещение в Свято-Владимирской духовной семинарии 20 октября 1944 г. // Ibid.
- ⁶ О подготовке торжественного собрания см.: Журнал заседания педагогического совета Свято-Владимирской духовной семинарии 19 июня 1944 г.; St. Vladimir's Orthodox Theological Seminary, 12 ноября 1944 г. // Ibid.
- ⁷ Профессору П. Г. Федотову, Свято-Владимирская семинария, Нью-Йорк, 7 декабря 1944 г. // Ibid.
- ⁸ Протокол № 1 заседания комиссии по вопросу об открытии академического курса [15 марта 1945 г.] // Ibid.
- ⁹ Журнал заседания педагогического совета Свято-Владимирской православной духовной семинарии 15 июня 1945 г. // Ibid.
- ¹⁰ Рапорт казначея семинарии прот. А. Кукулевского, 17 октября 1945 г.; St. Vladimir's Orthodox Theological Seminary of New York Year report. 1945. August 31 // Ibid.
- ¹¹ Журнал заседания педагогического совета Свято-Владимирской православной духовной семинарии 25 сентября 1945 г.; Расписание занятий в Свято-Владимирской духовной семинарии. Осенний семестр 1945–1946 учебного года // Ibid.
- ¹² Протокол заседания комиссии по открытию 1-го академического курса в г. Нью-Йорке, состоявшегося 2-го октября 1945 г. // Ibid.
- ¹³ Журнал заседания педагогического совета Свято-Владимирской православной духовной семинарии 16 января 1946 г. // Ibid.
- ¹⁴ Журнал заседания педагогического совета Свято-Владимирской православной духовной семинарии 6 февраля 1946 г. // Ibid.
- ¹⁵ Машинописный вариант записки сохранился среди бумаг П. П. Зубова: АОСА. Zouboff's file. St. Vladimir's seminary. R–2. 5–6. В. 60. F. 15.
- ¹⁶ Ibid. P. 1–2.
- ¹⁷ Ibid. P. 2.
- ¹⁸ Ibid. P. 4–5.
- ¹⁹ Ibid. P. 5.
- ²⁰ Ibid.
- ²¹ Ibid. P. 6.
- ²² Ibid. P. 2.
- ²³ Письмо П. П. Зубова митрополиту Феофилу, 15 февраля 1946 г. // АОСА. XI. Records Relating to Church Institutions. 1938–present. U Box 1&2 St. Vladimir's Orthodox Theological Seminary. 1944–1956. Folder: St. Vladimir's seminary. 1944–1946.
- ²⁴ Протокол заседания академической комиссии, состоявшегося 29 июля 1946 года в помещении Св.-Владимирской духовной семинарии // АОСА. XI. Folder: St. Vladimir's seminary. 1944–1946. Копия протокола отложилась в бумагах П. П. Зубова. См.: АОСА. Zouboff's file. St. Vladimir Seminary (1 of 3). R–2. 9–6. В. 52. F. 1.
- ²⁵ АОСА. XI. Folder: St. Vladimir's seminary. 1944–1946.
- ²⁶ Письмо архиепископа Леонтия к митрополиту Феофилу от 3 октября 1946 г. // Ibid.
- ²⁷ См.: Доклад Профессора Г. П. Федотова по вопросу об открытии в Америке Русской Православной Академии // Протоколы 7-го Всеамериканского церковного собора, состоявшегося в Свято-Феодосиевском соборе г. Кливленд штата Огайо ноября 26-го, 27-го, 28-го и 29-го 1946 года. Б. м.: б. г. С. 17–19.
- ²⁸ Доклад П. П. Зубова о финансировании богословского образования // Там же. С. 20.
- ²⁹ Там же. С. 21.
- ³⁰ Theological Education. Agreement Reached at Informal Meeting March 3, 1947 // АОСА. XI. Folder: St. Vladimir's seminary. 1947–1948.
- ³¹ Приглашенный профессор (англ.).
- ³² Письмо Г. П. Федотова к Г. В. Флоровскому от 3 сентября 1947 г. // Princeton University Library. Department of Rare Books and Special Collections. C0586. George Florovsky Papers. Box 32. II Correspondence. B To Florovsky.
- ³³ Добрянский Е. А. Введение новых курсов преподавания в Св.-Владимирской духовной семинарии // Новое русское слово. 1947. 2 октября. Аналогичная заметка была опубликована Е. А. Добрянским в газете «Россия».
- ³⁴ The Dean and the Committee of Instruction of Columbia College, November 12, 1947 // АОСА. Zouboff's file. St. Vladimir's Seminary. R–2. 9–6. В. 60. F. 5.
- ³⁵ The Meeting of the Committee on the Russian Orthodox Academy in New York City, October 15, [1947] // Ibid.
- ³⁶ St. Vladimir's Theological Seminary 1947 // Ibid.

- ³⁷ В письме жене от 11 ноября 1947 года он писал: «В русской семинарии заплатили обещанное жалованье (166 дол[ларов]), но митрополит, который при смерти (рак), все еще не подписал ни одной бумажки об Академии. Сейчас у них епископ[ский] собор в С[ан-]Франциско. Боимся, что напекут новых архиереев из подонков Америк[анской] церкви». См.: Письмо Г. П. Федотова к Е. Н. Федотовой от 11 ноября 1947 г. // BAR. Ms Coll Fedotov. Box 2. Folder: Letters of G. P. Fedotov to his wife, 1947.
- ³⁸ Русский текст первого варианта устава напечатан: Наш первый проект (Комиссии профессоров Спекторского и Федотова). Устав Свято-Владимирской Духовной Академии // Федотов Г. П. Собр. соч. Т. 12. С. 457–459. При публикации ошибочно указано, что текст написан рукой Е. В. Спекторского с правкой Г. П. Федотова. И текст, и исправления написаны рукой Г. П. Федотова. Ср.: BAR. Ms Coll Fedotov. Box 8. Folder: Subject file – St. Vladimir's Orthodox Seminary.
- ³⁹ Рукописные варианты правки Г. П. Федотова сохранились среди бумаг П. П. Зубова: АОСА. Zouboff's file. St. Vladimir's seminary. R–2. 5–6. В. 56. F. 5.
- ⁴⁰ Letter of Ralf M. Arkush to George P. Fedotov, May 14, 1948 // АОСА. Zouboff's file. St. Vladimir's Seminary (2 of 3). R–2. 5–6. В. 52. F. 2.
- ⁴¹ Из журнала заседания малого архиерейского собора Русской Православной Церкви в Америке, состоявшегося 2–3 июня 1948 г. в Свято-Тихоновском монастыре // Русско-американский православный вестник. 1948. № 6 (июнь). С. 7–8.
- ⁴² Regents Approve Course in Hebrew // New York Times. 1948. June 19.
- ⁴³ См.: Открытие Св.-Владимирской православной духовной академии в Нью-Йорке. Торжественные акты 22-го октября и 4-го ноября 1948 г. Нью-Йорк, 1948. С. 3–5.
- ⁴⁴ Там же. С. 6–12.
- ⁴⁵ Рапорт. 12 ноября 1948 г. // АОСА. XI. Folder: St. Vladimir's Seminary. 1947–1948. Копия отложилась в бумагах П. П. Зубова. См.: Zouboff's file. St. Vladimir Seminary (2 of 3). R–2. 9–6. В. 52. F. 2.
- ⁴⁶ Ibid.
- ⁴⁷ St. Vladimir Orthodox Theologian Seminary and Academy Bulletin 1948–1949. P. 4, 25–27.
- ⁴⁸ St. Vladimir Orthodox Theologian Seminary and Academy Bulletin 1949–1950. P. 23, 24, 26, 28.
- ⁴⁹ St. Vladimir Orthodox Theologian Seminary and Academy Bulletin 1950–1951. P. 17, 19–20, 22–23. См. также: Announcement of courses for 1950–1951 academic year // АОСА. XI. Folder: St. Vladimir's Seminary. 1949–1950.
- ⁵⁰ Russian Orthodox Greek Catholic Church in North America, 13 февраля 1949 г.; Журнал заседания педагогического совета Свято-Владимирской православной духовной академии 2 июля 1949 г. // Ibid.; St. Vladimir's Orthodox Theological Seminary and Academy, 27 января 1950 // АОСА. XII. Records Relating to Church Institutions. 1860, 1891–93, 1898–1980. St. Vladimir's Orthodox Theological Seminary, Crestwood, NY, 1928, 1947–62, 1969–79, n. d. Box 1: Correspondence & Records 1928, 1947–62, n. d. Folder: St. Vladimir's Orthodox Theological Seminary. Correspondence and records. 1950–1951.
- ⁵¹ Columbia University of the City of New York, the office of admissions, April 25, 1950 // Ibid.
- ⁵² The Rockefeller Foundation, March 22, 1949 // АОСА. XI. Folder: St. Vladimir's Seminary. 1949–1950.
- ⁵³ Mr. H. B. van Wesep. The Rockefeller Foundation, November 25, 1949 // АОСА. Zouboff's file. St. Vladimir Seminary (2 of 3). R–2. 9–6. В. 52. F. 2; Statements concerning the progress of St. Vladimir's seminary (academy) // АОСА. XI. Folder: St. Vladimir's Seminary. 1949–1950.
- ⁵⁴ The Rockefeller Foundation, February 27, 1950 // АОСА. XI. Folder: St. Vladimir's Seminary. 1949–1950.
- ⁵⁵ Remarks concerning the budget for academic year 1950–1951; Projected Budget for the 1950–1951 Academic Year // Ibid.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федотов Г. П. Собрание сочинений: В 12 т. М.: Sam&Sam, 1996–2014.
2. St. Vladimir's Seminary, 1938–1958. Reprint from St. Vladimir's Seminary Quarterly, summer 1958. P. 1–7.
3. Schmemmann A. Thoughts for the Jubilee // Thirtieth Anniversary St. Vladimir's Orthodox Theological Seminary 1938–1968. NY, 1968. P. I–V.
4. Meyendorff J. St. Vladimir's Faculty Our Predecessors // A Legacy of Excellence. St. Vladimir's Orthodox Seminary 1938–1988. NY, 1988. P. 9–16.

Antoshchenko A. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

GEORGE FEDOTOV'S ROLE IN TRANSFORMATION OF ST. VLADIMIR'S ORTHODOX SEMINARY INTO AN ACADEMY

The article reconstructs in detail an important episode in the activity of a famous Russian historian-emigrant George Fedotov during “American period” of his life (1941–1951). The documents stored in the archive of the Orthodox Church in America (Suyosset, NY) are the basis of the research. The most important document among them is a historian project of transformation of St. Vladimir's Orthodox Seminary into an academy. The VIIth All-American Orthodox Sobor in Cleveland (Ohio) approved this project in 1946 and it was successfully implemented. A special role of George Fedotov in this process was determined by the following circumstances. Firstly, his knowledge of history and current situation of Orthodoxy in the United States made it possible to justify convincingly the need for a higher theological school there. Secondly, his teaching experience at St. Sergius Orthodox Institute in Paris allowed him to assess the ability of his former colleagues and to invite some of them to America. Last not least, thirdly, his participation in the ecumenical movement has established his authority, which provided support for the project by the US counterparts.

Key words: Russian Orthodox Church in America, St. Vladimir's Orthodox Seminary, George Fedotov

REFERENCES

1. Fedotov G. P. *Sobranie sochineniy: V 12 t.* [Collected Works. 12 vols.]. Moscow, Sam&Sam Publ., 1996–2014.
2. St. Vladimir's Seminary, 1938–1958. Reprint from St. Vladimir's Seminary Quarterly, summer 1958. P. 1–7.
3. Schmemmann A. Thoughts for the Jubilee // Thirtieth Anniversary St. Vladimir's Orthodox Theological Seminary 1938–1968. NY, 1968. P. I–V.
4. Meyendorff J. St. Vladimir's Faculty Our Predecessors // A Legacy of Excellence. St. Vladimir's Orthodox Seminary 1938–1988. NY, 1988. P. 9–16.

Поступила в редакцию 13.05.2016